

РАБОТА ГУСТАВА ШПЕТА “ЯВЛЕНИЕ И СМЫСЛ” КАК ВЕХА В РАЗВИТИИ РУССКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Н.В. Мотрошилова

Густав Густавович Шпет (1879–1937) – один из тех отечественных философов, которые еще до революции получили профессиональную подготовку европейского класса. Можно представить себе, какими могли бы быть достижения этого одаренного, оригинального мыслителя, если бы поистине трагическая судьба не обернулась для него сначала преследованиями, репрессиями, а потом и расстрелом. Но даже в этих условиях Шпет сумел развить те рано уловленные, по существу предвосхищенные тенденции европейской философии, которые касались феноменологии и ее метода, герменевтики, экзистенциализма, философии языка и искусства. Отрадно, что в последние пару десятилетий к изучению наследия этого философа, на долгие годы преданного забвению, обратились исследователи в нашей стране и за рубежом. Символично, что в Томске (городе, в который Шпет был выслан и в котором он погиб) проводятся Шпетовские чтения.

В этом кратком докладе я не могу претендовать на сколько-нибудь полное рассмотрение феноменологического профиля философии Шпета. Остановлю внимание лишь на его работе “Явление и смысл” (Москва, 1914), которая, как известно, является откликом на знаменитое произведение Эдмунда Гуссерля “Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии” (“Идеи I”, 1913) и открывается следующим посвящением: “Herrn Professor Edmund Husserl im herzlichster Verehrung zugeeignet”.

При этом я хотела бы поместить книгу Шпета в контекст феноменологического движения первой половины 10-х годов XX в., а одновременно поставить современный вопрос: сохраняет ли работа Шпета, явившаяся миру без малого 100 лет назад, свой смысл для понимания феноменологии? Обе проблемы, разумеется, тесно связаны друг с другом.

I

Вернемся в 1913 год.

Ситуация в неформальном сообществе феноменологов, сложившемся вокруг Гуссерля ко времени написания и опубликования “Идей I”, была весьма непростой и противоречивой. С одной стороны, Гуссерль, философ, теперь уже хорошо известный в

Германии и других европейских странах, остается признанным лидером постоянно расширяющегося феноменологического сообщества.

С другой стороны, публикация “Идей I” послужила катализатором, ускорившим процесс распада этого сообщества и выявившим ранее назревавшие, но до поры до времени еще скрытые противоречия.

Вот как Э. Штайн описывает атмосферу гуссерлевских лекций, семинаров и, в частности, реакцию гейдельбергских и мюнхенских учеников на новое гуссерлевское сочинение. “Незадолго до начала семестра, – пишет Э. Штайн, – появилась новая работа Гуссерля *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии*. Ее должны были обсуждать на семинаре. Кроме того, Гуссерль объявил, что он хочет выделить один день в неделю, после обеда, чтобы желающие смогли приходиться к нему домой со своими вопросами и сомнениями. Естественно, я сразу купила книгу... В первый “открытый” день, как обнаружилось, я оказалась первым гостем у Гуссерля и поделилась с ним своими сомнениями. Вскоре появились и другие посетители. И у всех на сердце были одни и те же вопросы. *Логические исследования* произвели впечатление прежде всего благодаря тому, что они казались радикальным отходом от критического идеализма кантовского и неокантианского направлений. В этом усматривали “новую схоластику”, потому что взор поворачивался от субъекта – и направлялся на вещи: познание снова оказывается таким приемом (впечатлений), который получает от вещей свой закон, а не – как в критицизме – процессом определения (Bestimmen), которое приписывает свой закон вещам. Но *Идеи* содержали в себе повороты, которые звучали так, как если бы Мастер (“Мастером” ученики называли Гуссерля. – *Н.М.*) с их помощью хотел бы осуществить [общий] поворот к идеализму. То, что он сказал устно, не смогло рассеять сомнения. Это было, – продолжает Э. Штайн, – начало развития, которое все более вело Гуссерля к тому, чтобы учение, названное им “трансцендентальным идеализмом” (он не покрывался трансцендентальным идеализмом кантовской школы), стало специфическим ядром его философии и чтобы вся энергия была направлена на его обновление. Это был путь, по которому его старые геттингенские ученики, – к его и к их большому огорчению, – не могли за ним следовать” (*Edith Steins. Werke. Bd. VII. S. 174–175*). “В этом летнем семестре, – сообщает также Э. Штайн, – Гуссерль читал лекции о “Природе и духе” (исследования по обоснованию наук о природе и духе). Предмет этих лекций должен был обсуждаться во II части *Идей*, которые еще не были опубликованы. Мастер сделал их набросок

вместе с *Идеями I*, но отложил доработку для печати, чтобы подготовить новое издание *Логических исследований*, что настоятельно требовалось, ибо это произведение давно было раскуплено, и на него был большой спрос” (Ibid. S. 176).

Правда, ученики еще до “Идей I” не могли не заметить нараставшего трансцендентализма в разработках учителя. Но ведь публикаций долгие годы не было. И молодые феноменологи, возможно, надеялись, что назревающие разногласия имеют частный характер. Не все они систематически посещали лекционные курсы Мастера, на которых нечто родственное концепции “Идей I” уже проговаривалось. Опубликованная в 1913 г. книга подкрепила опасения, развеяла сомнения: Гуссерль твердо встал на путь трансцендентализма. Как верно написала Э. Штайн, большинство учеников Мастера не намеревалось следовать за ним по этому пути. Фактически пути прежде (относительно) единого, сконцентрированного вокруг Гуссерля сообщества феноменологов после “Идей I” расходились, причем по довольно принципиальным основаниям. Ведь Гуссерль, пусть и принимая во внимание столь серьезный для него риск, в фундаментальных для него вопросах был неуступчив: никакие соображения не могли заставить основателя феноменологии принести в жертву то, что *теперь* казалось ему истиной.

Поддержка проекта “Идей I” членами философского сообщества пришла к Гуссерлю оттуда, откуда он, возможно, менее всего ее ожидал – из России: от Густава Шпета, одного из наиболее значительных российских феноменологов, который в 1910–1913 гг. посещал занятия Гуссерля. Состоялось знакомство Гуссерля и Шпета. Шпет был среди немногих авторов, посвятивших “Идеям I” специальную работу: его книга “Явление и смысл” вышла в свет в 1914 г. и, следовательно, была написана по самым свежим следам. Шпет, еще в 1912 г. познакомившийся с Гуссерлем “домами”, завязал переписку с Мастером и его женой. Книгу “Явление и смысл” он намеревался посвятить Гуссерлю и его жене. Но Мальвина Гуссерль твердо “посоветовала” Шпету, чтобы сочинение было посвящено только ее мужу. На том и порешили.

В письме Гуссерля от 28 марта 1914 г. есть знаменательные слова, обращенные к Шпету: “Особенно я благодарен вам за подробный отчет о Вашей интенсивной феноменологической деятельности, которая, к моей радости, встречает благосклонное внимание со стороны уже пробудившегося в Москве интереса к феноменологии. Главное состоит в том, чтобы Ваши столь способные к воодушевлению соотечественники поняли, что речь идет не о новом учении спасения, благодаря которому верующий достигнет блаженства, но что открыта новая наука, бесконечно

плодотворная почва для работы – бесконечная и плодотворная, как русская равнина, но, как и она, приносящая богатый урожай только благодаря упорному труду (а не громким словам). Пусть будут соответствующим образом скептически, или критичны – но пусть [все] проверяют с открытыми глазами. Они увидят, что здесь действительно есть основа, что работа здесь необходима, и что как раз работа, которая должна быть здесь проделана, – единственная, необходимая в нашу философскую эпоху. Но, конечно, никакая добрая воля не поможет без настоящего *ἔλθοι*”, т.е. без решимости сорвать шоры исторических предрассудков” (Письмо Э. Гуссерля Г. Шпету от 28 марта 1914 г.).

В этих благодарственных строках можно уловить и скрытые горькие нотки: ведь не поняли же любимые ученики, как важна новая наука, не пошли за Мастером по дороге “бесконечной и плодотворной” феноменологической работы; не сумели сбросить “шоры исторических предрассудков...” В переписке Гуссерля и Шпета обсуждается и целый ряд конкретных проблем феноменологии.

Именно в этом контексте, как я полагаю, яснее вырисовывается значение книги Г. Шпета “Явление и смысл”. Она прежде всего означала поддержку, оказанную Гуссерлю русским философом в тот весьма трудный для основателя феноменологии момент, когда умом и сердцем от него отошли (хотя, конечно, не прервали с ним общения) ученики, казалось бы самые верные и понимающие. Шпет смело устремился, так сказать, “against of the main stream” представленного феноменологической молодежью движения. Я думаю, силы и решимости ему придавало то, что именно в этом направлении уже некоторое время шел сам Гуссерль, который – не вполне заметно для учеников – пересматривал ставшие привычными устои феноменологии¹.

Еще один важный момент, помогающий определить значение книги Шпета в контексте того времени, состоит в том, что она появилась в 1914 г. и была, несомненно, одной из первых обстоятельных реакций на всполошившие феноменологическое сообщество “Идеи I” Гуссерля. А поскольку Шпет поставил целью своей работы “проникнуть в самый смысл феноменологии”², уяснить ее роль (соответственно тому, что сам Гуссерль понимал “Идеи I” как “всеобщее введение в феноменологию” – таков

¹ Эту ситуацию я пыталась воспроизвести в своей книге ““Идеи I” Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию”. М., 2004. С. 69 и далее.

² *Шпет Г.Г.* Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. М., 1914. С. 14. Далее при цитировании этой работы и ссылках на нее стрелки указываются в тексте доклада.

именно подзаголовок книги), то возникает немаловажный вопрос: удалось ли и насколько удалось русскому философу понять суть и значение поворота, который обозначили “Идеи I”, а также и – в более широком смысле – характер изменений, происшедших в гуссерлевском учении после “Логических исследований”, и в частности в период созревания концепции, отраженной в “Идеях”? Я отвечаю на этот вопрос в целом положительно и, более того, специально подчеркиваю, что Шпет был среди совсем немногих тогда последователей феноменологии Гуссерля, кого тоже вдохновляли “Логические исследования”, ибо он находил в раннем гуссерлевском сочинении немало основополагающих предпосылок для собственной философской работы, – и кому *в то же время* открылось фундаментальное значение и для феноменологии, и для философии в целом (относительно) новых гуссерлевских разработок. К тому же Шпету, в 1912–1913 гг. учившемуся у Гуссерля, удалось уловить и в письменных работах, и в лекциях, устных разъяснениях Мастера те самые важные идеи, методологические подходы, которые к моменту появления книги “Явление и смысл” еще были очень мало известны.

Необходимо также подчеркнуть особое значение того факта, что Шпет напечатал свою книгу в России, на русском языке. Не стану вдаваться здесь в исторические детали – в частности в вопрос о том, как оценить содержание и влияние российского гуссерлианства в первое и второе десятилетия XX в. Но в общей форме можно утверждать, что книга Шпета, которая была одним из самых солидных и аутентичных изображений феноменологии, как бы “остановленной” на самом последнем витке своего развития, приобретала особый смысл для России, где относительно немногие знали “Идеи I”³ и где интересующаяся феноменологией публика скорее еще пребывала под впечатлением сравнительно недавно (в 1909 г.) опубликованного перевода на русский язык I тома “Логических исследований” (под редакцией С. Франка). Поэтому работа Шпета “Явление и смысл”, обрисовывающая путь Гуссерля от его выдающегося труда начала века к “Идеям”, пришла в России как нельзя более кстати – и для специалистов по феноменологии (их было немного, но и в других странах, помимо Германии, они образовывали очень малочисленные группы), и для более широкого круга вовлеченных в философию российских читателей. Для последних, кстати, всегда актуальными и значимыми были и остаются работы, которые ставят своей целью

³ Но таковые тоже были: примерно в то же время С. Франк писал свою опубликованную двумя годами позже замечательную книгу “Предмет знания” (1916), где имелись ссылки на “Идеи I”.

представить гуссерлевскую феноменологию в ее целостности, охватив доступный в то или иное время материал (тексты самого Гуссерля, интерпретации на основных европейских языках) и осветив непростую, но всегда содержательную и поучительную эволюцию взглядов основателя феноменологического движения. И на каждом значимом для самого Гуссерля этапе постоянного изменения, обогащения феноменологии задача такой ее презентации для российских читателей приобретала совсем нетривиальный смысл, тем более если она сочеталась, как это имело место в книге Шпета, не с ученическим пересказом, а с самостоятельными философскими оценками и подходами. Итак, в историческом контексте ее появления книгу “Явление и смысл” можно оценить как весьма оперативный, исключительно своевременный и для России отклик на “Идеи I” Эдмунда Гуссерля, как содержательное и во многом аутентичное (достаточно) краткое изображение гуссерлевской феноменологии в той ее целостности, какой она достигла к 1913 году. Вместе с тем, оценивая книгу Шпета не только в историческом контексте, можно сказать следующее: поскольку “Идеи I” являются, по моему мнению, системообразующим остовом и для поздней феноменологии (хотя, конечно, эта относительно ранняя работа никак не исчерпывает ее), шпетовское изображение сохраняет свое непреходящее значение, может быть рекомендовано читателю и сегодня – в той мере, в какой в работе “Явление и смысл” воспроизводятся основные понятия, принципы, методы феноменологии. Этот общий тезис я попытаюсь подтвердить, остановившись далее на том наиболее удачном и перспективном, что имеется в шпетовской презентации главных проблем и решений гуссерлевской феноменологии, а также в его критических замечаниях в адрес учения Гуссерля.

1. Считаю совершенно правильным и перспективным исходное замечание Шпета о том, что «феноменология – не откровение, в ней нет истин, “на веки данных”, многое может быть исправлено, иное и вовсе отвергнуто...» (с. 14). Оно верно и в общем смысле (направленном против догматизации любых философских учений), и в конкретном случае феноменологии. Я вижу здесь и дополнительный оттенок: поддержку новаторских устремлений Гуссерля (в противовес догматизации самых ранних достижений феноменологии со стороны ближайших его учеников) и как бы провидение того, что Мастер еще не раз существенно обновит свое учение. И кстати, шпетовское критическое замечание о том, что в феноменологии “игнорируются” социальные факторы, было фактически принято во внимание в последующем повороте позднего Гуссерля к темам кризиса европейского бытия, жизненного мира и т.д.

2. Шпет совершенно прав, когда он выделяет – как профилирующее устремление феноменологии – “идею основной науки”, размышлениями о которой он поделился с российскими слушателями 26 января 1914 г. в своей речи, произнесенной при открытии Московского общества по изучению научно-философских вопросов и затем превращенной в текст Введения к книге “Явление и смысл”. Речь идет о тезисе “философии как строгой науки” (знаменитая и сравнительно недавняя – в то время – гуссерлевская статья в “Логосе” тоже с сочувствием цитируется Шпетом); тезис этот и сближает феноменологию с наукой, и подчеркивает специфику научности феноменологии, системы ее особых дисциплин. Не могу развивать эту идею конкретнее; рассчитываю на то, что в нынешней аудитории она хорошо известна и понятна. Важно, что идею феноменологии как основополагающей философской науки Гуссерль поддерживал и обновлял на протяжении всей своей творческой жизни. Правда, в шпетовском Введении укрепление духа научности в культуре вообще, в философии в частности, действительно происшедшее в первое десятилетие XX в., изображено слишком оптимистически, что, кстати, было отражением характерных умонастроений того времени. Что на пороге была Первая мировая война, что всему бытию и культуре предстояло так много испытаний, что России и ее интеллигенции пришлось пройти через страшные годы, – все это, вызвавшее “кризис европейских наук”, еще впереди и не ощущается в проникнутой здоровым сциентизмом книге Шпета. Но и Гуссерль периода “Идей I” еще захвачен подобными умонастроениями, критическая рефлексия над которыми – впереди...

3. Глава “Интуиция опытная и идеальная” обрисовывает очень важную предпосылку феноменологии, которая сохранялась, но и модифицировалась на всем протяжении ее развития. Одновременно в главе высвечиваются истоки собственного интереса к феноменологии, пробудившегося у Шпета еще благодаря “Логическим исследованиям” и приведшего русского мыслителя в гуссерлевский лагерь. Комплекс проблем и подходов, которые благодаря этому классическому произведению Гуссерля стали наиболее привлекательными не только для Шпета, но и для подавляющего большинства тогдашних феноменологов, можно обозначить немецким словом “Wesensschau”, усмотрение сущности. Возможность “усмотрения”, “созерцания” идеальных, сущностных предметов, которую Шпет (вслед за самим Гуссерлем и другими феноменологами) оправданно возводит к Платону (с. 18, 23), в самом деле, важнейшая тема феноменологии, в совершенно обновленной разработке которой Гуссерль имеет непреходящие заслуги. Обсуждаемая глава Шпета, впрочем, дает не только

(местами удачное) разъяснение отдельных аспектов гуссерлевского подхода, но и попытку встроить его в историко-философскую традицию, а также увязать с новейшими произведениями западной мысли, что оказалось чрезмерно трудной задачей, непосильной для 20-страничного текста.

Хотелось бы особо акцентировать идею Шпета, которая заявлена в самом начале главы – и не случайно, что со ссылкой на П.Д. Юркевича, ибо это была идея, профилирующая для тогдашней русской мысли. Имеется в виду настойчивое повторение тезиса, противопоставляемого узкому гносеологизму, всякому вообще “негативизму” (с. 18), психологизму и т.д., – тезиса, опровергающего “софизм” гносеологизма, согласно которому задача первой философии состоит “в изучении не познаваемого бытия, а познающего субъекта, но опять-таки не в его бытии” (с. 17), и утверждающего “положительную философию” в качестве философии бытия. В свете этого нельзя не отметить особое чутье Шпета, проявившееся во внимании к тем местам “Идей I”, где Гуссерль акцентирует бытийно-онтологические аспекты новой феноменологии и где, например, встречается принципиально важный, перспективный термин “бытие в мире” (с. 20)⁴. (С этим акцентом ранней работы Шпета оправданно связывать последующий его интерес к экзистенциальной и герменевтической теории бытия.)

4. Для первых читателей книги “Явление и смысл”, особенно читателей российских, большой интерес должны были представить главы II (“Чистое сознание”), III (“Феноменологическая редукция”), V (“Предмет, положение, понятие”).

Прежде чем оценить их содержание и значение, сделаю одно предварительное замечание. В отечественном шпетоведении сложилась характерная тенденция: на книгу “Явление и смысл” как бы падает отсвет более поздних занятий Шпета герменевтикой и специальной теорией языка. Поэтому критическое отношение к гуссерлевской феноменологии, запечатленное в рассматриваемой книге, не то чтобы преувеличивается (ибо в ряде мест и моментов оно действительно имеет место), а искусственно смещается в иную проблемную плоскость, которая, по моему мнению, именно в данной работе еще не просматривается.

Но трудно согласиться и с противоположным суждением, согласно которому шпетовская работа содержит лишь “близкое к тексту” изложение “Идей I”⁵. Конечно, в книге “Явление и

⁴ По этому вопросу см.: *Мотрошилова Н.В.* “Идеи I” Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию”. С. 112, 628.

⁵ Оба подхода просматриваются в ряде публикаций упомянутых шпетовских чтений (см., напр., *Шпет Г.Г. Comprehensio*. Томск, 1997).

смысл” имеются свидетельства (ссылки, цитаты) последовательного движения Шпета “вдоль текста” гуссерлевского сочинения. Как автор, проделавший подробный текстологический анализ “Идей I”, могу также засвидетельствовать: Шпет выбирает для ссылок и цитат действительно важные, центральные положения книги Гуссерля. Но ведь очевидно, что Шпет в своей относительно небольшой книге никак не мог презентировать всю достаточно объемную гуссерлевскую книгу. Ему пришлось, во-первых, выбирать наиболее важные, с его точки зрения, принципы, подходы, идеи, а во-вторых, руководствоваться в этом выборе собственными критериями.

Что же было выбрано Шпетом из книги Гуссерля для презентирования и анализа? Это сегодня темы, которым посвящены главы шпетовского сочинения, выглядят хорошо известными, поистине классическими. (Хотя раскрыть их и сегодня чрезвычайно трудно.) В свете современных толкований, обогащенных множеством сравнительно недавно опубликованных текстов Гуссерля из его рукописного наследия, можно сделать замечания относительно пробелов, слабостей шпетовского рассмотрения. Но удивляет то, сколь удачен и злободневен был сам осуществленный Шпетом в начале XX в. выбор и сколь глубоко, интересно он представил трудную, новаторскую философию Гуссерля на самом последнем тогда, для многих феноменологов неожиданным и неприемлемом, витке ее развития. Ведь в 1913–1914 гг. проблематика феноменологической редукции, чистого сознания, ноэмы даже для сообщества феноменологов была совершенно новой: эти темы оформились в творчестве Гуссерля или за несколько лет до “Идей I” или в самом сочинении. К тому же если представители ближайшего к Гуссерлю сообщества в принципе могли раньше узнать об этих подходах из лекций Мастера (как они их понимали и принимали, другой вопрос), то для более широкой философствующей публики изложение Шпета содержало животрепещущую информацию о новых темах, поворотах, выводах Гуссерля. В данном докладе я могу дать, увы, краткие характеристики лишь некоторых глав шпетовской книги.

Чистое сознание. Очень бегло, но верно описав “естественную установку”, обосновав необходимость феноменологического еросе́ и вместе с тем акцентировав чисто методический смысл “заключения в скобки”, взяв в качестве “феномена”, “экземпляра” восприятие, Шпет делает основной темой своего изображения этой части феноменологии “имманентное восприятие” в качестве “интуиции сущности” (с. 37–47). Подчеркиваются преимущества такого подхода к “миру сознания”, когда как действительный, так и возможный миры “мыслимы только в коррелятивном

отношении к сознанию” (с. 52): ведь все данное всегда и при всех условиях “необходимо является нам с определенным коэффициентом сознания” (с. 53). Феноменология не просто подчеркивает это как факт, но и учит глубоко и всесторонне принимать его в расчет (что уже начали делать в предшествующей философии Декарт или Кант). Речь у Шпета *фактически* идет о том, что в “Идеях I” постоянно и четко рассматривается под формулой “трансцендентального” (трансцендентальной феноменологии, трансцендентального сознания и т.д.). Может показаться удивительным, но Шпет *полностью избегает* употреблять слово “трансцендентальный” и в “пару” к “трансцендентному” использует лишь термин “имманентное”. Но *реальное содержание* обсуждаемой темы у Шпета – совершенно то же, что и в гуссерлевской проблематике трансцендентального. И если Шпету важно подчеркнуть именно *бытийный* аспект чистого сознания (с. 55, 56 и др.), то это тоже вполне гуссерлевский ход, если иметь в виду общую направленность “Идей I”.

Тем не менее показательна сама попытка Шпета как бы “изъять” – вопреки всему тексту презентуемого сочинения Гуссерля – и сам термин “трансцендентальный”, и заостренную защиту трансцендентализма у основателя феноменологии. Здесь можно разглядеть тенденцию, весьма характерную для русской философии, которая всегда была весьма чувствительной к тому, что ей казалось крайним идеализмом и субъективизмом. Но не только о русской философии речь: ведь именно уклон в трансцендентализм, как было показано, оттолкнул от “Идей I” прежде преданных Гуссерлю феноменологов. Не было понято, что для феноменологии со всеми ее особенностями трансцендентализм был совершенно необходимой теоретико-методологической предпосылкой и что у трансцендентализма вообще есть свои “истина и правда” (это я пыталась подробно доказать в своей книге, посвященной “Идеям I”; см.: *Мотрошилова Н.В.* Указ. соч. С. 541 и далее).

Конечно, к сегодняшнему дню проблематика чистого сознания у Гуссерля изучена и осмыслена куда более полно и основательно, чем у интерпретаторов, бывших в этом настоящими пионерами⁶.

Другие упомянутые ранее главы книги Шпета можно рассмотреть и оценить сходным образом. Так, раздел о феноменологической редукции для того времени был важным и свежим. Для “движения” к теме редукции Шпет “возвратился” к началу “Идей I”,

⁶ Я, в частности, рекомендую читателям соответствующие разделы о чистом сознании в моей книге об “Идеях I” – результат многолетнего изучения, обдумывания этой темы, обобщения специальной литературы вопроса.

к своей любимой теме “интуиции сущностей” как сердцевине феноменологии и убедительно показал, что редукция совершенно необходима для самого “получения” особого “предмета” феноменологии и ее самоотличения от других подходов, дисциплин, в том числе и направленных на изучение сознания. Шпетовская критика в адрес Гуссерля (вопрос об “исключении” мира “щептилен”, и его следовало осветить с большей определенностью, ясностью; с. 72) справедлива, что косвенным образом подтвердил сам основатель феноменологии, который после “Идей I” многократно возвращался к уточнению темы редукции. Большой интерес представляет вторая часть этой главы, где Шпет – в аспекте темы редукции – ставит вопрос о “чистом Я”, не забыв подчеркнуть, что по сравнению с негативным отношением к данной теме в “Логических исследованиях” позитивный поворот, наметившийся в “Идеях”, содержит в себе очень существенную для феноменологии новую перспективу. Это тоже было как бы провидением будущего развития “эгологического” аспекта феноменологии.

В этом докладе я вынуждена отказаться от более подробного анализа последующих глав книги “Явление и смысл”. Скажу только, что и в них Шпет продемонстрировал тонкое понимание тех новых акцентов феноменологии, которые были расставлены именно в “Идеях” – это затронутые русским мыслителем темы ноэмы и (меньше) ноэзы, новое толкование “предметностей” (Gegenständlichkeiten), различие материальных и формальных онтологий, проблема “тетического” сознания как часть ноэматки, вопрос о “разуме” и “идее”, толкование “действительности”, тема “конституирования” и многое другое. Приходится обойти молчанием последнюю (по оценке исследователей, наиболее самостоятельную) главу книги Шпета, посвященную перспективной для его собственной философии проблематике “смысла”.

Общий вывод. Книга Г.Г. Шпета “Явление и смысл” была одним из первых в мировой философии откликов на выдающееся сочинение Э. Гуссерля “Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии”. Она удачно презентировала новые тенденции, понятия, подходы гуссерлевской философии и для того времени могла служить (а в России действительно служила) ценной оперативной информацией о новейшей стадии развития одного из самых важных и, что хорошо почувствовал Шпет, перспективных направлений западной философии XX в. Книга также была знаком начавшегося в конце XIX в. и продолжившегося в начале XX столетия органического вхождения профессиональных философов России в европейское философское сообщество. Этот процесс, как известно, был грубо и насильственно прерван

сначала Первой мировой войной, а затем и Октябрьской революцией. Личная судьба Г. Шпета, который мог бы стать заметной величиной мировой философии и, в частности, мог бы продолжить движение по феноменологической орбите вместе с другими ее известными представителями – один из символов трагических судеб российской культуры в XX веке.

Что касается современного значения книги Шпета, то в ней наряду с тем, что относится к истории, встречаются и сегодня важные, интересные подходы, прозрения, описания. Как было сказано, ее и сегодня можно использовать в качестве первоначального введения в феноменологию. Однако по ряду причин, которые связаны с мощным потоком опубликованных впоследствии текстов (самого Гуссерля, а также исследователей феноменологии), современному читателю для ознакомления с “Идеями I” и вхождения в феноменологическую философию нецелесообразно ограничиваться только этой книгой. Необходимо обращаться к более поздним источникам и произведениям. Что через (без малого) столетие более чем естественно и никак не умаляет значения прекрасной книги Г.Г. Шпета “Явление и смысл”, одной из лучших в ранней российской феноменологии.

ХАЙДЕГГЕР И “РУССКИЕ ВОПРОСЫ”

А.Г. Черняков

Другим одно, а нам, желторотым, другое, нам прежде всего надо предвечные вопросы разрешить, вот наша забота.

Достоевский “Братья Карамазовы”

Я не ставлю сейчас своей задачей достаточно точно описать феномен “русских вопросов”, полагаясь на опыт слушателей, но некоторые формальные характеристики, пожалуй, указать не сложно. Такие вопросы никогда не разрешаются и, как это ни удивительно, не устаревают; они возвращаются вновь и вновь, будоража культурное пространство. Над ними размышляют, их, я бы сказал, “преследуют”, с чрезвычайной страстностью и чрезвычайной экзистенциальной серьезностью. Многие приносят в жертву этому преследованию; по мерке русских вопросов меряют друзей и врагов. Чаще всего пути преследования теряются в